

Глава 1

НОВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ В.А.М.П.И.Р.

В пасмурный майский вечерок, когда с одной стороны в стекло барабанили дождевые капли, а с другой — недавно проснувшиеся мухи, славное семейство Дурневых сидело в гостиной.

Герман Никитич держал на коленях ноутбук и, скривив от усердия рот, шлифовал приветственную речь к VII Всероссийской конференции пенсионеров-огородников.

— Ты не представляешь, Нинель, как это ответственно! В нашей стране голосуют только пенсионеры и огородники! Если они меня поддержат, я воплощу свою давнюю мечту и смогу баллотироваться в президенты! Важно только, чтобы выборы проходили зимой,

иначе эти ненавистники колорадских жуков смоются на свои огороды! — уже в третий раз объяснял он своей супруге.

Мадам Дурнева согласно мычала. Она могла только мычать, потому что пожирала копчёную индейку с ломтиками ананаса. Кто-то сказал ей, что если есть индейку вместе с ананасом, можно сбросить вес. Нинель подошла к делу ответственно. Она заготовила полную морозильную камеру индеек и забила холодильник ананасами. Правда, пока она продолжала толстеть, но утешала себя мыслью, что любое натуральное лекарство действует не сразу.

Пипа тоже не бездельничала. Поджав под себя ноги, она сидела на диване и глубокомысленно созерцала в лупу тройку в дневнике, прикидывая, как ловчее исправить её на пятёрку. Тройка была очень перспективная — с маленьким верхним крючком. Пипа уже было покусилась на тройку лезвием, когда рядом вдруг возник её папочка, утомившийся задурять мозги пенсионерам-огородникам.

— А ну дай сюда! — решительно потребовал самый добрый депутат.

Пипа тревожно покосилась на папочку и собрала глазки в кучку, готовясь при необходимости заголосить. Но у самого доброго депутата были иные планы. Он конфисковал у дочки лезвие, умело подобрал подходящую по оттенку ручку, и спустя минуту в дневнике засияла исключительно правдоподобная пятёрка.

— Вот так, доч! Учись, пока я жив! — назидательно сказал он, целуя Пипу в макушку.

Проявив дозированную нежность, Дурнев повернулся и вновь поплёлся к своим огородникам.

— Стой! Руки вверх! — приказала Пипа, целясь папочке в спину указательным пальцем.

Самый добрый депутат остановился и послушно задрал к потолку свои морковного цвета ладони.

— Мы договаривались: за каждую пятёрку я получаю полтинник! И нечего сачковать! — потребовала Пипа.

Умилённый отец полез в карман и, вытащив бумажник, принялся в нём рыться. Не дождавшись, пока он отыщет полтинник, Пипа выдернула у папули из пальцев бумажник и нагло завладела сразу несколькими сотенными купюрами.

— Зачем так много? — удивился самый добрый депутат.

— Как зачем? А кассету купить? Недавно вышел новый фильм о Гэ Пэ! Он в нём такая симпатяшка! Глаза добрые-добрые, и ни одного прыщика!..

Герман Никитич зевнул. Слушать про Гэ Пэ ему было неинтересно, тем более что за последние два года дочь уже прожужжала ему этим Гэ Пэ все уши. Коридор был обклеен плакатами с Гэ Пэ, на блюдцах в кухне тоже был Гэ Пэ. Более того, его умное тонконосое лицо в круглых очках смотрело даже с полотенца в ванной, которым Пипа вытирала руки.

— Умница, доча! Никогда не упускай своей выгоды! Но хватит про Гэ Пэ, а то я взвою!

Забрав порядком облегчённый бумажник, самый добрый депутат привлёк к себе Пипу и прицелился для нового поцелуя в макушку любимого чада, но в этот момент звонок в коридоре пробудился ото сна и произвёл нечто среднее между похоронным маршем и «Танцем маленьких лебедей».

От неожиданности Герман Никитич промахнулся и больно стукнулся о Пипину голову носом.

— Нинеличка, солнце моё, не посмотришь, какой болван звонит нам в дверь? Что за мода припираться без приглашения? — поморщился он.

— Сейчас, кисик! Твоя рыбка только скушает махонький кусочек ананасика! А то индюшачьей грудке так одиноко у неё в желудочке! — отозвалась супруга.

— Не верь ей, пап! Она съела днём десять йогуртов и рыбное филе! Да ещё моя коробка с шоколадными конфетами куда-то пропала... — наябедничала на любимую мамочку Пипа. Она всегда была больше папиной дочкой.

Дурнева щёлкнула пультом телевизора. На его двадцатый канал выводилось изображение с недавно установленной на площадке камеры. В настоящий момент камера послушно снимала крупную серую плитку и железную дверь генерала Котлеткина.

— Я никого не вижу! Никого нет, Герман! — удивлённо сказала супруга.

— Как никого? А кто тогда звонил? — нахмурился самый добрый депутат.

Он метнулся к телефону и набрал номер консьержки. Консьержка заверила его, что к ним никто не поднимался.

Дурневы переглянулись. Оба одновременно подумали об одном и том же. Или, точнее, об одной и той же. Семейная идиллия была нарушена.

— Неужели снова Гроттерша?! Я только начала приходить в себя! Ведь прошло всего два года, как она в последний раз у нас была! — простонала мадам Дурнева.

— Ха! Танька — ещё полбеды! Главное, чтобы нам не подкинули новую сиротку! Мам, посмотри, там нет какого-нибудь футляра или хотя бы помойного ведра? — фыркнула Пипа.

— Оставайтесь здесь! Я сам! — решительно приказал Герман Никитич.

Он на цыпочках прокрался к двери и, не доверяя видеокамере, выглянул в глазок. Затем Дурнев осторожно

повернул замок, снял цепочку и резко рванул дверь на себя. Он смутно надеялся застичь кого-то врасплох, но застигать было некого. Площадка была действительно пуста.

Пожав плечами, Дурнев уже хотел закрыть дверь, как вдруг заметил на коврике длинный конверт. В правом верхнем углу конверта был аккуратно выведен их московский адрес. Марка отсутствовала. Это означало, что конверт никак не мог быть доставлен обычным способом через почту.

— Германчик, что там такое? — испуганно крикнула супруга, подбегая к мужу.

— Да вот, — ответил самый добрый депутат.

— Какой странный конверт! Не из Америки? Надеюсь, там внутри не сибирская язва? — забеспокоилась Дурнева.

— Ерунда! Я уже болел в детстве сибирской язвой. Кажется, вскоре после свинки. Или после менингита? Ну, не важно. В любом случае это было до того, как меня укусила бешеная собака, — отмахнулся дядя Герман и отважно вскрыл конверт.

Внутри оказался плотный лист бумаги. По центру крупными золотистыми буквами было выведено:

Господин Герман Дурнев!

С удовлетворением сообщаем Вам об окончании тяжбы, длившейся с 1632 года. Причиной прекращения тяжбы послужила окончательная физическая и астральная смерть второго претендента на наследство — имп. Лигулы К. А.

Согласно решению Верховной коллегии Трансильвании, Вы признаётесь единственным наследником Вашего пращура. Кроме того, в соответствии с пунктом 13.13/666 нашего Кодекса Вы автоматически

назначаетесь пожизненным почётным председателем В.А.М.П.И.Р.

Приняв во внимание все факты, главная совещательная коллегия В.А.М.П.И.Р. единодушно посчитала, что высокое родство и природные свойства характера компенсируют отсутствие у Вас магических способностей.

В случае Вашего согласия унаследованные Вами регалии будут присланы Вам на дом в ближайшее время.

Преданный Вам
Малюта Скуратофф,
Верховный судья.
Трансильвания, Долина Малокровия,
12 мая 20... года.

Герман Никитич прочитал письмо трижды. Даже — по привычке видеть во всём двойное дно — посмотрел его на свет. Однако это ничего не выявило. Разве только то, что бумага была гербовой. В качестве же гербового элемента был использован мрачный замо́к на скале.

Дурнев пожал плечами:

— Ничего не понимаю. Верховная коллегия! — сказал он.

— Постой, Германчик! Не отказывайся! Вдруг нам ещё одну мигалку дадут? А то что за дела: езжу в супермаркет без мигалки! Мне уже стыдно показываться на глаза Айседоре Котлеткиной! У этой лимитчицы, вообрази, кроме мигалки, настоящая БМП в качестве машины сопровождения! — рассердилась супруга.

Депутат с беспокойством покосился на дверь соседа и нырнул в свою квартиру.

— Тш-ш! Ты что, спятила?! Сколько раз тебе говорить, чтоб ты с Айседоркой не ругалась! Котлеткину

не сегодня завтра ещё звезду дадут! Ты соображаешь, кем он тогда будет! И потом, он мне полезен! Он вчера обещал купить у меня двести вагонов старых женских чулок! — зашипел он на жену.

— Чулки в армию? Зачем? — удивилась она.

Дядя Герман таинственно поднёс палец к губам:

— Тш-ш! Государственная тайна. Я даже и не вникаю. Может, на ракеты натягивать будут для конспирации. А может, маскировочные сетки сплетут. Тут и переделывать ничего не надо: чулки-то всё равно дырявые.

Мадам выдернула письмо из пальцев мужа, внимательно изучила его и сказала:

— Германчик, мы же с тобой не знаем, что такое «В.А.М.П.И.Р.». Вдруг это что-то хорошее? Ну, например... э-э... Всемирная ассоциация медовых пряников и рогаликов.

— Чушь! Не хочу руководить пряниками! — с презрением воскликнул он.

Его супруга вновь скользнула взглядом по строчкам и страдальчески наморщила лоб в мыслительном усилии.

— Германчик, зайныка, послушай!.. — начала она.

Её супруг сперва пожелтел, а затем побагровел.

— ЧТО ТЫ СКАЗАЛА?! — прохрипел он.

Спохватившись, Дурнева зажала себе рот рукой. На все названия зверьков с длинными задними лапами у них в семье было наложено табу. Всякий раз, собираясь включать телевизор, супруга внимательно изучала программу, чтобы быть абсолютно уверенной, что там не окажется ничего ушастого.

— Ой, Германчик, прости! Не знаю, что на меня нашло! — пискнула она. — Я хотела сказать, вдруг В.А.М.П.И.Р. — это Всемирная ассоциация международной прессы и радиовещания?

Герман Никитич перестал менять цвета. Вместо этого он приятно порозовел и слегка подпрыгнул от возбуждения.

— Точно! Ты права, золотце! Как я сам не догадался! В.А.М.П.И.Р. — Всемирная ассоциация международной прессы и радиовещания! — воодушевился он. На глаза у самого доброго депутата навернулись слёзы. — Я знал! Я предчувствовал, я надеялся! Моя общественная деятельность и незапятнанная репутация известны всем! Свободная демократическая пресса выбрала меня своим главой!.. Согласись, Нинеличка, это исключительно мудрый и дальновидный выбор! — умилённо всхлипнул он, обрушиваясь на диван.

— Да, дорогой! — кивнула она.

Такса Полтора Километра вылезла из-под дивана и залаяла, со старческой злобой плюя дяде Герману на тапки. Она терпеть не могла, когда над ней сотрясают крышу. Разошедшийся депутат прицельным пинком зафутболил таксу обратно.

— А ну цыц, ты, пиарщица беспринципная! Знай своё место!.. Да я за свободу слова кого угодно заткну! Пусть эти ослы в Думе ещё раз попробуют отключить мой микрофон! Я их... Я им... Короче, я пока не знаю, что я сделаю, но они пожалеют! — бушевал Дурнев.

Он вскочил, выпрямился во весь свой немалый рост и воскликнул:

— Эй, вы там, я согласен быть почётным председателем В.А.М.П.И.Р. и получить все регалии! Нинель, посмотри, есть ли на конверте адрес или телефон? Я им отвечу!

— Германчик, я не знаю, где конверт! Он только что был здесь, а как только ты крикнул, что согласен, он куда-то улетел! — испуганно сообщила ему супруга.

Директор фирмы «Носки секонд-хенд» оцепенел:

— КАК УЛЕТЕЛ?! Враньё! Его небось утащила эта мерзкая собака! Эй ты, вылезай! Нинель, дай швабру!

Внезапно письмо из Долины Малоокровия сорвалось с дивана и, трепеща краями, попыталось улепетнуть в форточку вслед за конвертом.

— Не-е-е-ет! А ну остановись! Лови его, Пипа!

Издав нечеловеческий вопль одураченного карьериста, самый добрый депутат бросился вдогонку. Пытаясь схватить письмо, он размахивал руками, как в засекреченной шаолиньской школе ветряных мельниц. В той самой школе, куда дядя Герман на заре своего предпринимательства удачно продал семьдесят уценённых пепельниц «Мечта пожарного» под видом курительниц фимиама из царской коллекции бронзы. Дурневу почти удалось схватить письмо, но лист вспыхнул у него в руках. Коричневая огненная точка, возникшая сначала в центре, мгновение спустя превратилась в синеватое пламя, охватившее всё письмо.

Дурнев замер посреди комнаты, с позеленевшим лицом разглядывая крупные хлопья пепла на ковре.

— Всё пропало! Мы не запомнили адреса! — убито сказал он.

Тётя Нинель с ужасом уставилась на мужа. На её верхней губе выступили крупные капли пота.

— Котик, только ты, пожалуйста, не пугайся... — сказала она.

— Что ещё такое?

— Твои зу... зубы...

Дурнев уже и сам ощутил, что с его зубами что-то не в порядке. Зажав рот ладонью, он метнулся к зеркалу. Здесь он нерешительно убрал руку. Четыре тонких острых клыка — два сверху и два снизу — сходились почти впритык.

— Нинель! Кажется, я теперь знаю, что такое В.А.М.П.И.Р.! — хрипло проговорил дядя Герман.

Глава 2

СПЯЩИЙ КРАСАВЕЦ

Ванька Валялкин уцепился за зубец и, свесившись вниз, потянул к себе незакреплённый конец полотна. На полотне вспыхнули алые буквы:

ТИБИДОХС ПРИВЕТСТВУЕТ УЧАСТНИКОВ ПЕРВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ГОНОК НА ИЗБУШКАХ!

Озорной порыв ветра рванул перетяжку, и Ванька, не успевший её закрепить, едва не слетел со стены. Таня и Баб-Ягун чудом успели поймать его дрыгающие ноги.

— Уф! Что за свинство использовать третьекурсников — почти уже четверокурсников — для всякой ерунды! Перетяжки могли повесить и дрессированные гарпии! — заворчал Ванька.

— Угу, могли! Только изодрали бы их когтями. А как бы от них потом воняло! Не продохнёшь! — заявил Ягун.

— Враки! Не воняло бы! Среди гарпий попадаются вполне приличные. Спроси у Тарараха! — заспорил Валялкин.

— Не придирайся, маечник! Подумаешь, всего девятно перетяжек. Зато за это мы сможем сесть в первом ряду. Даже ближе чем преподаватели. Я договорился! — успокоил его Баб-Ягун.

— В прошлый раз на великаньих бегах ты тоже договаривался! В результате нас засунули в самый неудобный сектор, да ещё рядом с Поклёпом! — напомнил Ванька.

— Мамочка моя бабуся! Да откуда же я знал, что Поклёп туда сядет? Не мог же я ему запретить расположиться прямо у нас перед носом, да ещё болтать всё время со своей русалкой! На этот раз всё будет иначе! — заверил Ягун.

Таня с сомнением покосилась на него.

— Ладно, чего спорить, — сказала она примирительно. — Четыре перетяжки мы уже повесили. Одну упустили. Осталось всего-то восемьдесят пять!

* * *

С того памятного дня, когда был матч с невидимками, прошло уже больше полутора лет. И эти полтора года никак нельзя было назвать бесцветными или мало-содержательными.

В жизни — будь то жизнь лопухоида или мага — редко что происходит постепенно. Гораздо чаще судьба, подкравшись, ударяет нас по затылку хлопнушкой внезапности. То ты скромный служащий, уныло коротающий день на офисном стульчике перед надоевшим до чёртиков монитором, то вдруг такая закрутит тебя круговерть, что и директор банка будет долго трясти твою руку, не замечая пролившегося ему на колени кофе.

Или иначе: семьдесят лет крепится лопухоид, бегаёт по утрам, полощет горло содой, чтобы однажды проснуться седым, со стреляющими коленками, отвисшей челюстью и, посмотрев в зеркало, печально сказать:

— Доброе утро! Эй, родственники, дайте мне, что ли, пистолет и полстакана зелёнки!

Но бывают и приятные преобразования. Школьник, стоявший на физкультуре едва ли не последним по росту, явится вдруг в сентябре рослым детиной с ломающимся баском, и главный его обидчик, прежде задиравший его на каждой перемене, будто случайно встанет поближе к учителю.

За месяцы, что мы не видели Таню, она сильно изменилась. Выросла, похорошела и уже с тревогой поглядывала по утрам на Чёрные Шторы — не отразят ли они Ваньку Валялкина, кормящего свежей утятинной Финиста Ясного Сокола, или Баб-Ягуна на пылесосе и с чёрной фрачной бабочкой на шее? Даже над Гробыней больше не смеялась, когда с тех же Штор, подтягивая шортики, ехидно подмигивал то Жора Жикин, то Гурий Пуппер.

Часто Таня возвращалась в памяти к тому мгновению, когда атаковала с обездвигивающим мячом страшную пасть Кенг-Кинга, а Гурий Пуппер мчался ей наперерез. Кадр за кадром она проигрывала тот момент матча. Жаль, всё так и завершилось ничем. В самый ответственный момент на заколдованном зуболюбном кресле примчался председатель коллегии арбитров Графин Калиостров. Он прервал матч и устроил грандиозный скандал.

— Почему вы начали игру без меня?! Как вы посмели?! Нарушены все постановления спортивного комитета Магшества Продрыглых Магций! — дрожа от ярости, заявил он.

— Друг мой! Мы и так отложили игру почти на полчаса. Если бы мы не выпустили сигнальные искры, зрители разнесли бы стадион. Жаль, что вы опоздали, — сказал Сарданапал.

— КТО ОПОЗДАЛ?! Я?! Да я был здесь на час раньше!!! Кто-то так настроил заклинание перехода,

что я десять раз проносился мимо Тибидохса и падал в болото! — завопил Графин Калиостров, брызжа ядовитой слюной. Те её капли, что попадали на судейскую трибуну, превращались в живых тараканов.

Брезгливая Зубодёриха отодвинулась и поднесла к носу надушённый платочек. Теперь уже все заметили, что выглядит Графин Калиостров, мягко скажем, неважно. Он был весь в тине, а в его ухе шевелилась самая обыкновенная — совсем не золотая — пиявка.

Тарарах отчего-то смутился, незаметно отошёл в сторону и принялся ковырять в ноздре толстым пальцем.

— Ой-ой! Какой несчастий! Неисфестно никого фыкинуть с фами скферный шютка! Я фесь в польный хорор! — запричитал профессор Клопп и принялся подобострастно стряхивать с Калиострова водоросли.

— Хватит! Я аннулирую результаты матча! Вот мои полномочия! — Оттолкнув Клоппа, Калиостров полез во внутренний карман. Из кармана выпрыгнула лягушка. Судя по величине глаз, она явно страдала базедовой болезнью.

— И это всё, что подтверждает ваши полномочия? В таком случае у нас таких полномочий полное болото, — сквозь зубы процедила Медузия.

— Шутить изволите, милочка? Я прекращу этот балаган! Этот подстроенный матч! — крикнул Калиостров. Он порылся в кармане и, выхватив изрядно подмокший пергамент, взмахнул им.

— Но позвольте, если вы отмените матч и аннулируете его результаты, то что же станет с чемпионатом? По законам вашего... виноват, нашего Магщества прерванный матч может быть возобновлён не раньше чем через два года, — сказал Сарданапал.

— Вот и чудненько! Я никуда не спешу! А пока новая игра не назначена, невидимки, как и прежде, будут

считаться чемпионами мира! — мстительно прошипел Калиостров и вполголоса произнёс: — *Актус кляузник макакис прерывонум забиякис!*

Пергамент с полномочиями превратился в огромную летучую мышь. Мышь поднялась над полем, раздулась и лопнула в ослепительной фиолетовой вспышке. Трибуны гневно загудели. Джинны-драконоухи, подчиняясь приказу, окружили драконов и стали теснить их к песчаной арене, намереваясь загнать в ангары.

— Вот так! Вы знаете это заклинание, Сарданапал. И знаете правила! В ближайшие два года матчу между невидимками и сборной Тибидохса не бывать ни при каких условиях. Тут даже Древнир ничего не сумел бы сделать, — ухмыльнулся Графин.

Сарданапал схватился за сердце. Его борода рванулась вперёд и сделала попытку захлестнуть Калиострова за шею. Академик едва успел придержать её рукой.

Скамейка упала с глухим кегельным стуком. Тарарах поднялся. Его громадная нижняя челюсть подрагивала. В глазах стояли слёзы.

— Этот прыщ прервал матч... Прервал, когда его хвалёные невидимки почти уже продули! Что теперь у ребят на душе творится? — сказал он хрипло.

Графин Калиостров тревожно покосился на питекантропа и попятился. Тарарах надвигался медленно, но неотвратно. Скамейки падали одна за другой.

— Я предупреждаю — я буду защищаться! У меня синяя ленточка по боевой магии! — завопил Калиостров.

— У меня кулак с твою голову! — ласково сказал Тарарах. — Лучше стой на месте, слизняк, хуже будет!

— Академик! Вы что, не намерены вмешаться? Убейте от меня вашего мордоворота! У него глаза убийцы! — заскулил Графин.

Сарданапал отвернулся.

— А что, собственно, происходит? У меня развязался шнурок. Я ничего не вижу, — сказал он, печально разглядывая свои ботинки. Шнурки на них не только развязались, но и таинственным образом сплелись, что представляло немалую угрозу для жизни и требовало внимания академика.

Тарарах наконец настиг Калиострова. Он стряхнул с плеча председателя коллегии арбитров малозаметную соринку и почти нежно, оторвав его от земли, подтянул к себе за лацканы пиджака.

— Это не сойдёт вам с ру-у-у-ук! — убито произнёс Калиостров и, поджав колени, обречённо зажмурился.

Дракон невидимок Кенг-Кинг, которого не успели ещё увести с поля, был немало удивлён. Он никогда не видел летающих председателей с мусорной урной на голове. Это яркое зрелище запало впечатлительному ящеру так глубоко в душу, что он долго ещё не выплёвывал проглоченных игроков и лишь томно вздыхал...

Но матч уже был отложен, и с этим ничего нельзя было поделать.

* * *

Избушки, которые должны были участвовать в гонках, стали прибывать на другой день с утра, когда у третьего курса только-только начинались занятия. Хорошо ещё, что первым уроком стояла ветеринарная магия, а Тарарах сам был не дурак поглазеть.

Питекантроп минут пять мялся, искоса поглядывая в окно, от которого уже не отрывалась большая часть его учеников, а потом заявил:

— Угхм, внимание! Предлагаю изменить тему урока! Пишите! Избушки на Курьих Ножках. Гм... Магоанатомические особенности и всякое такое в этом духе.

Готово?.. Тогда я не понимаю, чего вы расселись? Ноги в руки — и марш во двор!.. Что, намёков не понимаете?

Третий курс вскочил и с торжествующим рёвом, опрокидывая парты, ломанулся к дверям. На месте остался один только Шурасик.

— А как же семиглавая гидра? Разве вы не будете додиктовывать про симптомы медвежьей болезни у водных? — протестующе пискнул он.

Питекантроп остановился. Вопрос застиг его врасплох.

— И-и-и-из-э-э... Отлично, Шурасик! Я как раз думал, кому поручить посторожить гидру! Следи, как бы она не вылезла из переносной ванны! — сказал он, закрывая дверь.

Шурасик остался в классе один. Плеснула вода. Из ванны высунулась третья из семи голов гидры. Маленькие колкие глазки изучающе остановились на несчастном стороже.

— Кыш!.. Брысь! Марш! Фу, тебе говорят! — нерешительно крикнул Шурасик.

Он взял швабру и принялся запихивать гидру назад в ванну. Третья голова исчезла, но почти сразу появились ещё четыре. Хрустнуло дерево. Швабра переломилась и исчезла в пасти одной из голов. Шурасик даже не успел заметить, какой именно.

Выронив оставшийся обломок, он схватился за живот.

— У-у-у, нет! Я не согласен! Медвежьей болезнью страдают только медведи и гидры! — протестующе крикнул он.

Во двор они высыпали как раз вовремя. Первая избушка уже маршировала по подъёмному мосту. Сторожевой циклоп Пельменник отдавал ей честь, приложив к оттопыренному уху здоровенную пятерню.

Избушка двигалась быстрым маршевым шагом, далеко выбрасывая пупырчатые куриные ноги. Из её окошка выглядывала замшелая карга с единственным зубом во рту и кустистыми бровями. Соломенная крыша избушки, похожая на копну пшеничных волос, подпрыгивала. Из трубы вырвались искры.

Поклёп Поклёпыч поморщился и попытался отправить джинна Абдуллу за справочником противопожарных инструкций.

— Сам иди, ничтожнейший! Не грузи белоснежного осла моего терпения гранитными глыбами своей мнительности! — загрохотал сварливый джинн.

Он сердился на завуча за то, что тот не позволил ему торжественно прочитать перед гостями «Поэму тысячи проклятий». Услышав, что терпением джинну служит белоснежный осёл, Поклёп так озадачился, что спасовал и незаметно отошёл в сторонку.

Вслед за первой избушкой по подъёмному мосту уже грохотали её товарки. Пельменник так и застыл, выпятив грудь, вытаращив глаз, с рукой, точно прилипшей к уху. Самоварное блаженство не исчезло с его лица даже тогда, когда одна из избушек, потесненная соседкой, неосторожно столкнула его в ров.

— Не пойму, откуда у природный грек такой фельдфебельский рвеньи! Россия всех брить под один расчёска! — неодобрительно пробормотал профессор Клопп.

Всего в предполагаемых гонках должны были участвовать семь русских избушек, две украинские хаты, три северных чума на оленьих копытах и гвоздь программы — многоэтажка на бройлерных окорочках. Последняя была так огромна, что для неё особым заклинанием пришлось расширять ворота. Когда же наконец с невероятными усилиями она протиснулась во внутренний двор Тибидохса, снаружи стало казаться, что у школы

трудновоспитуемых волшебников появилась дополнительная башня.

— Может, уговорим её остаться? — спросил академик Сарданапал.

— Ни в коем случае! Я о ней слышала! У неё такой характер, что она всех тут запинает. Именно поэтому она всю жизнь проводит на заграничных гастролях... Эй, Тарарах! Отведи детей в сторону! Не подходите близко! — забеспокоилась Медузия.

Ученики неохотно отодвинулись. Возбуждённые долгим переходом, избушки ещё некоторое время потоптались во дворе, прежде чем согласились встать на заранее размеченные площадки. Расстояние между площадками было выбрано с расчётом, чтобы одна избушка не могла лягнуть другую. Здесь они и стояли, изредка поскрипывая и переминаясь с ноги на ногу.

Между избушками ходила Ягге и радушно здоровалась с их хозяйками. По всему было видно, что с большинством из них Ягге знакома уже лет семьсот, не меньше...

— У бабуси тоже когда-то была такая избушка. Угнал кто-то, — сообщил Ваньке Баб-Ягун. — Пошла бабуся за маслятами — возвращается, и тю-тю! Бывают же такие гады!

— И что, так и не нашли? — спросил Кузя Тузиков, всовывая между приятелями свою всклокоченную голову.

— Ставни перекрасил, дверь перевесил — поди найди! И вообще топай отсюда, веник реактивный! Нечего лыбиться! — нахмурился Ягун.

Ему ужасно захотелось наслать на неискренне сочувствующего Тузикова чесотку или куриный сглаз, но приходилось сдерживаться. Поблизости крутился Поклёп, а Ягун только недавно был вновь переведён на белое

отделение. Сарданапал сделал это, уступив просьбам Ягге, и то, как он выразился, «до первой шалости».

— Ягге, старушка! Как ты? Скрипишь помаленьку? — вдруг визгливо крикнул кто-то у них за спиной.

— Солонина Андреевна! Сто лет, сто зим!

Ягге — не очень охотно, как показалось Тане, — обнялась и поцеловалась с тощенькой рыжей ведьмой средних лет. Рыженькая была почти красавица, но её слегка портил гигантский, размером с блюдо, розовый лишай на щеке. Избушка у Солонины Андреевны была поджарая, голенастая. У неё у единственной крыша была покрыта зелёной черепицей, а на окнах вместо занавесочек и гераней красовались жалюзи.

Отходя, Ягге несколько раз оглянулась на Солонину Андреевну, которая так и расплывалась от притворной радости.

А во двор уже спускались Сарданапал с Медузией, до этого любовавшиеся куроногой идиллией с балкончика.

— Здравствуйте, хозяйюшки! Здравствуйте, бабы-ёженьки! — ласково приветствовал всех академик.

— И ты здоров будь, хозяин! Ишь бороду какую запустил! Прямо царь Горох! — недружно отвечали старушки.

Сарданапал расплылся в улыбке:

— О, я вижу, все тут! Лукерья-в-голове-перья! Глашка-простоквашка! Матрёна Большая! Матрёна Меньшая! Аза Нафталиновна, моё почтение!

Бабы-ёжки стали наперебой задаривать Сарданапала и Медузию связками грибов и бочонками с солёными огурцами и квашеной капустой. Северные бабы-ёжки подносили красную рыбу и копчённые на костре оленьи рёбрышки.

Солонина Андреевна презентовала монографию собственного сочинения, озаглавленную «Роль сплетни в информационном поле планеты. Культурологический

аспект». Хохлушки подарили сало и бутылъ горилки, которую Медузия немедленно убрала подальше от глаз академика. Бабы-ёжки понимающе заулыбались.

Вдохновлённый успехами конкурента, профессор Клопп сгоряча сунулся было за подарками, но ему ничего не дали, кроме дохлой вороны и шипящего чёрного кота. Нравные бабы-ёжки не жаловали чёрных магов.

Когда преподаватели, ученики и гости отправились в Зал Двух Стихий на праздничный обед, подъёмный мост вновь заходил ходуном и во двор ввалились Дубыня, Усыня и Горыня. Последние месяцы им было поручено охранять побережье вдали от Тибидохса. Там богатыри-вышибалы редко попадались на глаза преподавателям и основательно отбились от рук. Соорудили самогонный аппарат и порой, скучая без шашлычка, тайком валили в заповедном лесу оленей. Буйство богатырей достигало порой такого градуса, что Сарданапал выходил на стену и принохивался к ветру, не понимая, почему тот пахнет перегаром.

Про гонки на избушках Дубыня, Горыня и Усыня ничего не знали и теперь порядком озадачились, обнаружив, что весь внутренний дворик забит куроногими домиками.

— Что за курятник тут устроили? — сказал Горыня.

— Я прям щас закукарекаю! — заявил Усыня.

Дубыня тоже хотел что-то сказать, но, как с ним регулярно случалось, вновь ощутил кризис жанра. Так ничего и не выдумав, он занёс над головой палицу и выдвинулся вперёд. Встревоженно закудахтав, избушки прыснули в стороны, роняя с крыш пучки соломы.

Чум на оленьих копытах спрятался за украинскую хату. На месте осталась только многоэтажка на бройлерных окорочках. К ней-то, вдохновлённый лёгкой победой, и двинулся Дубыня.

— А ты чё тут встала, дылда? А ну топай! — прикрикнул он на неё и ударил палицей по окорочку.

Многоэтажка задиристо закукарекала и размахнулась ушибленным окорочком. Пинок вышел на славу. Дубыня, удаляющийся со скоростью пушечного ядра, был виден издали — из всех окон и со всех башен. Траектория его полёта была классической и соответствовала всем лопухоидным законам физики. Описав гигантскую дугу и полюбовавшись островом Буяном с высоты богатырского полёта, снаряд по имени Дубыня приземлился где-то в районе прибрежных скал.

Горыня и Усыня, вздумавшие было обломать о Многоэтажку свои палицы, остановились.

— Слышь, брат, чего я подумал? Надо сперва пойти поискать Дубыню, — почёсывая лоб, сказал Горыня.

— Но ты, клуша многоэтажная, не радуйся! Подумаешь, крыша у неё! Мы ещё вернёмся! — добавил Усыня, и оба богатыря, втянув головы в плечи, отступили к лесу.

Избушки помельче с цыплячьей радостью окружили Многоэтажку, кудахтавшую с бойкостью бывалой наседки...

* * *

В конце торжественного обеда, плавно перешедшего в не менее торжественный ужин, к Тане, застенчиво ковыряя в зубах ножом, приблизился Тарах.

— Тань, поговорить надо! Давай отойдём к лестнице! — сказал питекантроп.

Ванька Валялкин с обидой отвернулся. Раньше у Тараха не было от него тайн.

— Ого, какие мы секретные! Может, Тарах переворот в Тибидохсе замыслил? — насмешливо шепнул ему Баб-Ягун.

Ванька едва не швырнул в него тарелкой.

— Да ладно, не обижайся ты! Какой Тарарах интриган? Он питекантроп! Какие интриги могли быть в каменном веке? Дубиной по лбу — вот и весь пещерный переворот, — утешая его, добавил Ягун.

Таня и Тарарах отошли к лестнице атлантов. Здесь их могли подслушать только атланты, но атлантов не интересовало ничего, кроме их основного занятия.

— Просьба у меня к тебе... Только чур никому! Договорились? — продолжал Тарарах.

— Договорились, — сказала Таня.

Она переминалась с ноги на ногу, дожидаясь, когда можно будет вернуться к слоёному пирогу. После нескольких недель общения с речной скатертью она нуждалась в чём-то менее питательном и полезном. Например, в жирном пироге с кремом и полным отсутствии витаминов.

— Ты как, к экзаменам-то готовишься? — поинтересовался Тарарах.

— Да вроде, — не очень уверенно ответила Таня, невольно задумываясь, правду сказала она или нет.

С одной стороны, до учебников они с Ягуном и Ванькой ещё так и не добрались. С другой — уже неделю пытались вылупить из малахита духа всеведения, поливая его драконьими слезами и держа на холоде. Дух действительно вылуплялся, но всякий раз получался таким идиотом, что не только не был способен подсказывать, но не помнил даже, как его зовут.

— Ты, Танюх, смотри хорошо учись... Чтоб от зубов отскакивало! Чтоб в любую секунду, хоть ночью тебя разбуди, всё в башке стояло... Оно, конечно, искрой запугать и без знаний можно. Тут и профессором-то быть не нужно, а просто головастым. Иной профессор, как до дела дойдёт, такого наворотит, что только и останет-

ся от него, что нос... — Спohватившись, что сам себя опровергает, Тарарах замолчал и застенчиво зашевелил пальцами ног. Он всегда ходил босиком, утверждая, что в башмаках чувствует себя как носорог на протезах.

«Что-то мне всё это не нравится. Про учёбу заговорил... Вдруг у него снова все аспиды расползлись, а собирать некому?» — опасливо подумала Таня.

Собравшись с духом, питекантроп набрал полную грудь воздуха, выдохнул с такой силой, будто задувал свечу, горевшую где-то в другом конце зала, и приступил к сути:

— Я, Танюха, хочу сегодня к избушкам на ночь пойти. Интересно мне поглядеть, как они там. Гнездо свивают или, может, стоя спят.

— Сходи. Почему бы и нет? — сказала Таня.

— Опять же — вдруг повезёт, и какая-нибудь избушка яйцо снесёт. Я бы его к птице Сириу в гнездо положил — она бы мне избушонка вывела. А я бы его потом Ягге подарил... — продолжал бубнить Тарарах.

— Здорово. Ягге обрадуется.

Пока Таня не понимала, в чём тут секрет. Разве что Тарарах опасается, что она проговорится Яггуну, а он — своей бабушке, и тогда не будет сюрприза.

— Во-во! И я говорю: здорово! — воодушевился Тарарах. — Так, значит, ты согласна? Ты посидишь со Спящим Красавцем?

— С кем с кем? — переспросила Таня.

Тарарах поднёс палец к губам:

— Тш-ш! Потом узнаешь. Только учти: сидеть придётся всю ночь. Иначе не пойдёт.

— А кто это такой — Спящий Красавец?

— Потом узнаешь. Пока не могу сказать. Так да или нет? Я тебя давно ни о чём не просил.

— Ну ладно, — уступила Таня.

— Значит, да? — недоверчиво переспросил питекантроп.

— Да, да, да, да! — уныло повторила Таня.

Она уже прикинула, что пирог можно будет взять с собой. К тому же Красавцы, даже и спящие, тоже на дорогах не валяются. Интересно будет на него посмотреть. Если же Красавец внезапно проснётся и будет надоедать, его всегда можно будет спихнуть Верке Попугаевой или Гробыне.

Тарарах просиял.

— Я знал, что ты согласишься! Ты не пожалеешь! — выпалил он. — Тогда через десять минут у меня в берлоге! Постучишь вот так: раз-два-три, раз-два... Только запомни — чтоб ни гугу!

Таня вернулась к столу. Баб-Ягун и Ванька с любопытством покосились на неё, но ничего не спросили.

— Мне нужно отлучиться... Я не могу ничего рассказать, потому что... Ну, короче, за завтраком увидимся! — сбивчиво проговорила она.

— Угу, — Ванька равнодушно отвернулся. Таня, отлично его знавшая, поняла, что он не на шутку разобижен.

Она виновато развела руками, завернула в салфетку большой кусок пирога и выскользнула из Зала Двух Стихий. Поднявшись по лестнице атлантов, она свернула в первый же тёмный коридор. Это был не самый короткий путь к берлоге Тарараха, однако девочка надеялась, что здесь она точно никого не встретит. Факелы неприветливо шипели и сыпали искрами. Где-то в закоулках дребезжала расшатанными спицами Инвалидная Коляска. Таня, не останавливаясь, запустила в неё «дрыгусом».

Она была уже на полпути к берлоге Тарараха, когда внезапно из ниши, преградив ей дорогу, выплыл тём-

ный силуэт. Таня завизжала. От её визга погасли два факела. Где-то наверху треснуло стекло.

Уж что-что, а визжать малютка Гроттер умела и делала это мастерски. Уроки ей давала сама Пипа. Здесь же, в Тибидохсе, она совершенствовала мастерство у Кати Лотковой и Верки Попугаевой — двух знаменитых паникёрш. Фигура отшатнулась и, зажав руками уши, издала птичий крик. Одновременно её лицо попало в лунный луч, голубоватой струйкой вливавшийся сквозь витраж. Таня узнала Поклёп Поклёпыча.

Бесцветные глазки завуча замораживали девочку с головы и до самых пят. Тане почудилось, что у неё в желудке начинает образовываться ледяной ком. По телу забегали колючие искры.

— Гроттер, немедленно закрой рот! Ты меня оглушила! Что ты тут делаешь? — прошипел завуч.

— Гуляю!

Поклёп недоверчиво осклабился:

— Здесь? А что, нет более подходящих мест для прогулок?

— Есть, — машинально ответила Таня.

— Тогда что ты тут делаешь? — прищурился завуч.

— Э-э... Везде полно народу. А тут мне никто не мешает сосредоточиться. Я обдумываю сочинение на тему «Использование протухших медуз в магических целях». Можете спросить у профессора Клоппа. Это он нам его задал! — поспешно нашаривая первое попавшееся объяснение, сказала Таня.

— Хорошо, я обязательно поинтересуюсь у Клоппа, разрешает ли он шататься по коридорам, — с угрозой пообещал Поклёп.

Его глазки липкими червячками проползли по Таниным рукам и остановились на салфетке:

— Тэк-с. Свёрток. Что в свёртке?

— Пирог, — растерялась Таня.

— В самом деле? А ну дай его сюда! — потребовал завуч.

Дальше Поклёп Поклёпыч повёл себя непредсказуемо. Он бросил свёрток на пол, коршуном навис над ним и стал крошить пирог, не обращая внимания на крем и варенье, измазавшие ему пальцы. При этом он ухитрялся держать наготове магическое кольцо, чтобы в случае необходимости метнуть боевую искру. Наконец пирог был уничтожен — растоптан ногами. На полу осталось лишь безобразное месиво, на которое стали слетаться осы. Одна из них даже ужалила завуча в палец. Почему-то это Поклёпа успокоило.

— Осы не могут ошибиться. Это и правда был пирог... — негромко сказал он сам себе. — Ладно, Гроттер, иди! Только не думай, что я тебе поверил! Тебе ещё предстоит давать объяснения, и очень скоро!

Он ещё раз пробуравил Таню взглядом и вновь удалился в нишу.

Таня успела заметить там раскладной стульчик, сотворённый с помощью простейшей магии. «Ага, Поклёп сидит в засаде! Кого, интересно, он подстерегает? И пирог-то мой чем ему не угодил?» — подумала она.

Вскоре, ухитрившись больше ни на кого не натолкнуться, Таня стояла у дверей комнаты Тарараха, пытаюсь вспомнить условленный стук. Но не успела она постучать, как дверь распахнулась сама и питекантроп за рукав буквально втащил её внутрь. Похоже, пребывающий в нетерпении Тарарах дежурил у двери, подглядывая в щёлку. Он высунул голову в коридор и, поглядев по сторонам, запер дверь.

Таня с любопытством осмотрелась. Тарарах недаром называл свою комнату берлогой. Назвать её как-то иначе было сложно. Стены покрывала копоть, за ис-

ключением тех мест, где питекантроп камнем нацарапал силуэты оленей и зубров.

В углу, сваленная в кучу, громоздилась неплохая коллекция копий, узловатых палиц и каменных топоров. Топоров было особенно много. Тарарах вытёсывал их долгими зимними вечерами, вспоминая о пещерных временах. Посреди берлоги из камней был выложен очаг, рядом с которым лежала охапка листьев и сухой травы. На них Тарарах спал, утверждая, что так гораздо удобнее.

«Ещё бы! — с гордостью говорил он. — Постель надо заправлять, бельё стирать, а так раз в год бросил солому в огонь, листики туда же смёл — и нагрёб новых!»

— Тебя никто не видел? — озабоченно спросил Тарарах.

— Видел. Я наткнулась на Поклёпа. Он кого-то подкарауливал, — призналась Таня.

Питекантроп уронил полено, которое собирался подбросить в очаг.

— Где это было? Далеко отсюда? — как бы вскользь поинтересовался он.

— Не-а, не очень. Знаешь, между лестницей атлантов и Башней Привидений есть кривой коридорчик, где факелы всё время гаснут?

— А, понятно! — сказал Тарарах.

Тане почудилось, что он опасался услышать что-то другое и теперь испытал облегчение.

— А ещё он раскрошил и растоптал мой пирог. Ты не знаешь зачем? У него извилины морским узлом завязались, что ли? — пожала плечами она.

Таня думала, что Тарарах удивится или хотя бы возмутится поступком завуча, но этого почему-то не произошло. Питекантроп выслушал известие о пироге без особого интереса. Он лишь пробормотал:

— Пирог... Эхма как! Чего-то Поклёпа завезло. *Это* никак не может быть пирогом, хотя кто его знает, чем оно окажется...

— Ты о чём? Какое ещё *это*? — быстро спросила Таня.

— Не могу тебе сказать. Честно говоря, сам мало что знаю. Так, есть кое-какие догадки... — уклончиво ответил Тарарах.

Питекантроп подошёл к занавеске, разделявшей его берлогу на две половины. Он уже взялся за неё, чтобы отодвинуть, но вдруг отнял руку и повернулся к Тане:

— Я так не могу. Это не шутки! Ты должна дать страшную клятву, что будешь нема как могила! Понимаешь?

— Ты имеешь в виду смертельную клятву? — с дрожью в голосе спросила Таня.

Тарарах сурово кивнул. Таня ощутила сухость во рту. Ей, как и всем в Тибидохсе, было хорошо известно, что представляет собой смертельная клятва. Маг, произнёсший смертельную клятву — по своей ли воле или под принуждением, — уже не может нарушить её ни при каких обстоятельствах. Даже случайное нарушение клятвы — например, если, не удержавшись, поведать тайну самому близкому другу — влечёт за собой мучительную и страшную смерть.

— Ты готова? — спросил Тарарах.

— Клянусь, что никому никогда и ни при каких обстоятельствах не расскажу о том, что сейчас увижу! Никто не узнает от меня о Спящем Красавце! *Разрази громус!* — выпалила Таня.

Зелёная искра, оторвавшаяся от её кольца, зависла посреди комнаты, превратившись на миг в подобие шаровой молнии. Точно такая же молния должна была поразить Таню, вздумай она проболтаться.

— Прости, что пришлось потребовать с тебя клятву... Но думаю, скоро ты всё сама поймёшь. Знакомься: вот и Спящий Красавец! — сказал Тарарах, решительно отодвигая занавеску.

Таня невольно отпрянула. За занавеской на серебряных цепях раскачивался хрустальный гроб. Девочка нерешительно приблизилась, посмотрела на Спящего Красавца, и в сердце у неё шевельнулся червячок разочарования. Признаться, она ожидала увидеть нечто другое.

В хрустальном гробу, подложив под щёку руки, посапывал коротконогий мужичок с такими пористыми щеками, что в них впору было сажать цветы. В петлице его белого парадного мундира жалко скрючилась засохшая гвоздика.

— Фу, какой страшный! Как там у него с родословной? Крокодилов не попадалось? — поинтересовалась Таня.

Тарарах весело хмыкнул:

— А ты как хотела? Не нашли его вовремя, вот и засахарился малость! Зато это настоящий Людвиг Шампиньонский! Где-то тут у него даже мундирчик был подписан. Всех Спящих Красавцев в Средневековье обязательно помечали... Погоди-ка! — Тарарах суетливо стал осматривать воротник и показал Тане бирочку: — Вот видишь! Что я говорил? Людвиг Шампиньонский! — обрадовался питекантроп.

Таня не стала его разочаровывать, хотя на бирке ясно значилось «**Готфрид Бульонский**». Она давно уже знала от Ваньки, что у питекантропа неважно с грамотой.

Таня посмотрела на Тарараха, и в неё зубным буром вдруг вонзилось подозрение.

— Знаешь что, Тарарах... Посидеть я с ним посижу, а целовать его не буду! — заявила она. — Если тебе

это надо, уж лучше Гробыню позвать. Она и лягушку поцелует. А если его надо потискать и пощекотать — это к Дуське Пупсиковой.

Тарарах даже испугался:

— Ты того... Что за мысли? Я потому и попросил тебя с ним посидеть, что был уверен: ты не станешь его целовать. А то он, чего доброго, проснётся! Все эти Спящие Красавцы малость с приветом. Будет шататься и всем надоедать. А то ещё буйным окажется. Да и вообще он малость того... странный какой-то. Не нравится мне совсем.

— Послушай, Тарарах, откуда у тебя взялся этот Готфри... Людвиг Шампиньонский? Зачем он тебе вообще?

Питекантроп укоризненно уставился на девочку, всем своим видом показывая, что Людвиг Шампиньонский ему не особенно нужен. Даже, скорее, он рад был бы от него отделаться, но не может в силу определённых обстоятельств.

— Понимаешь, тут какое дело... Это личная просьба Сарданапала. Я не мог отказать. Академик нашёл его в пещере на побережье около месяца назад. Раньше вход в пещеру был занесён песком, а тут штормом песок размыло. Сарданапал увидел щель, протиснулся и смотрит: он в пещере, перед ним гроб на цепях, а над гробом на скале высечена надпись. У меня-то с грамотой не того, но со слов Сарданапала смысл такой: «Осторожно! Отсроченное проклятие! Год, когда оно будет снято, станет годом страшного испытания для всего Тибидохса!» Теперь ты понимаешь, почему я взял с тебя клятву? Речь идёт о судьбе всего Тибидохса!

Тарарах поскрёб короткими пальцами заросшую щёку и с досадой толкнул хрустальный гроб, закачавшийся на цепях.

— Средневековые маги обожали гадить потомкам. Некоторые даже ухитрялись наляпать кучу отсроченных проклятий и быстренько помирали, чтобы отменить нельзя было, — пожаловался он.

— погоди! А разве, когда они живы, тогда... — поражённо начала Таня.

— Ага. А ты что, не знала? — перебил её питекантроп. — Пока маг ещё на этом свете, его проклятие всегда отменить можно, хоть иногда и приходится мозгами пораскинуть, а вот как помер — тут уж всё. Как проклял — так тому и быть. Раньше знаешь даже как бывало: разругается, положим, слабый маг с сильным. Проклянёт его, а сам быстренько в пруд с камнем на шее. Ну тут уж и сильному магу никуда не деться — проклятие-то уже не снять, хоть ты тресни! Позднее Древнир это дело пресёк и так устроил, что отсроченные проклятия впредь нельзя было накладывать. Да только всё равно мало толку: проклятий-то с прежних времён знаешь сколько понаставлено!

Тарарах даже рукой махнул, показывая, что такого барахла везде целые кучи.

— Представляю, как встревожился Сарданапал, когда прочитал это предупреждение! — сказала Таня.

— «Встревожился» — не то слово! Он сразу смекнул, что всё это серьёзно, и стал думать, как ему выкрутиться. Оставить в пещере — не сегодня завтра начнутся каникулы. По берегу будут бегать всякие любопытные дурочки и наверняка сунут нос в пещеру. Тогда он ночью перенёс хрустальный гроб в Тибидохс, отдал его Ягге и велел беречь как зеницу ока. «Поставь, — говорит, — в какую-нибудь дальнюю комнату магпункта и запири на ключ. Только не в подвал, там нежити полно». Но ты ж Ягге знаешь! Уже через пару недель ей этот Красавец надоел, и она начала от него отбры-

киваться. У неё, мол, больные плохо выздоравливают, когда в соседней комнате стоит гроб. Они, может, про него и не знают, но ей самой неприятно. Короче, сплывила его обратно Сарданапалу, а тот уже мне. Знает, что я этого хмыря вовек не поцелую и никого к нему не подпущу. Опять же, в берлоге у меня кто бывает? Разве что профессор Клопп раз в сто лет забредёт выпить стаканчик-другой. Да только Клоппу эти Красавцы по барабану... Да и Красавицы, если разобраться, уже тоже...

Неожиданно Тарарах насторожился. Спящий Красавец шумно повернулся в гробу и открыл глаза. Таня вскрикнула. Тарарах метнулся к гробу и, раскачивая его, хриплым голосом затянул:

— Баю-бай, баю-бай! Поскорее засыпай! Придёт серенький волчок и укусит за бочок!

Красавец ословело моргнул и, вновь закрыв глаза, стал сладко причмокивать губами. Тарарах перестал петь и отошёл от гроба.

— Уф! Ещё действует, но с каждым разом всё хуже... Ладно, пошёл я. А то пропущу, как Избушки укладываются, — сказал он.

Он двинулся было к дверям, но Таня вцепилась в его руку:

— ТАРАРАХ! Почему ты мне не сказал, что он просыпается?! Ты поэтому хотел, чтоб я осталась, да?

Питекантроп жутко смутился и, хотя в берлоге, кроме Тани и Красавца, никого не было, снизил голос до едва различимого шёпота:

— Понимаешь... Тут такое дело... Это совсем недавно началось. Он не то чтоб просыпается, а вроде как страдает лунатизмом! Раньше я сам об этом не знал. Но как-то просыпаюсь — нет его. Я бросился в коридор и давай искать! Едва нашёл — он почти что в Зал Двух Стихий забрёл. Я его в охапку — и тащить, а он

сильный, как вурдалак! Толкнул меня — я и отлетел! Хорошо, я догадался колыбельные петь. Он сразу успокоился и прямо на полу заснул. Я его едва допёр... Ты того, как он просыпаться начнёт, сразу колыбельные пой — они его моментально вырубают.

— Я не знаю колыбельных!

— Да не важно! Ты пой что попало! Глуши его хоть военным маршем... Он того... не особенно разборчив. Главное — не замолкай. Только он шевелиться начнёт — сразу пой... Ну всё, я помчался!

Преподаватель ветеринарной магии ловко освободился от Таниной руки и выскользнул за дверь быстрее, чем девочка успела его удержать. По коридору весело забухали шаги. Насвистывая, Тарах, получивший отгул на всю ночь, мчался наблюдать за Избушками.

Таня подбросила в огонь ещё пару поленьев и усеялась на солому.

Четверть часа спустя Спящий Красавец зашевелился вновь. Тане пришлось долго раскачивать гроб, напевая современную попсу — единственное, что она могла вспомнить. В прошлые каникулы Гробыня протащила в Тибидохс лопухоидный приёмник и теперь слушала по ночам всё, что могла поймать. Иногда она приглашала Гуню Гломова и подзуживала его, чтобы тот потанцевал вместе с Пажом. Однажды ревнивый скелет даже укусил Гломова за ухо.

Попса действовала на Спящего Красавца возбуждающе. Он ворочался и грыз подушку. Зато при звуках рэпа Готфрид сразу зазевал и отрубился. От радости Таня перешла на «Калинку-малинку» и, перестав раскачивать хрустальный гроб, вернулась к огню.

Потрясённый новыми дарованиями музыкального мира, Спящий Красавец долго не просыпался. Примерно до двух часов ночи Таня крепилась, нарезая круги

вокруг костра и разглядывая зверей на стенах берлоги. Художник Тарарах был неважный, но заметно было, что высекал с вдохновением и от всей души.

Утомившись бродить взад-вперёд по Тарараховой берлоге, Таня нагребла соломы с таким расчётом, чтобы постоянно иметь хрустальный гроб в поле своего зрения. Она прилегла, некоторое время честно пялилась на храпящего Красавца, а потом всего лишь на секунду закрыла отяжелевшие веки — и уснула.

Уже под утро Таню разбудил неясный звук. Спросонья ей почудилось, что в углу упал каменный топор. Угли почти погасли.

Спящий Красавец сидел в гробу и улыбался в темноту синеватыми зубами. Крышка была аккуратно приклонена к гробу и слегка покачивалась вместе с цепями. Страх тысячами бойких мурашек забегал по Таниным жилам. Она была точно парализована. Слова всех песен сухим горохом высыпались у неё из памяти.

Спящий Красавец неуклюже выбрался из гроба и, вытянув вперёд руки, направился к дверям. Не заметив Таню, он перешагнул через неё, едва не наступив на угли, и вышел в коридор.

— *Пундус храпундус!* — прошептала Таня, вскидывая кольцо.

Перстень Феофила Гроттера выбросил зелёную искру, но она была неяркая и, едва вспыхнув, зачала. Таня вспомнила, что Спящий Красавец находится под действием отсроченного проклятия и всякая иная магия здесь бессильна.

Окончательно проснувшись, она бросилась за Спящим Красавцем, но тот уже куда-то исчез. Коридор был пуст. Лишь сверху, пробиваясь сквозь треснувший витраж, на каменные плиты гулко падали капли да шипя чадили розоватым пламенем негаснущие факелы.

Таня метнулась сначала в одну сторону, затем в другую. Извилистые коридоры Тибидохса переплетались точно змеи. Искать Спящего Красавца в этих лабиринтах было почти бесполезно, особенно не зная, куда он направился.

Внезапно Таня вспомнила, что Тарарах говорил ей про Зал Двух Стихий. Вдруг летаргического Красавца снова потянуло туда же? Тогда он непременно натолкнётся на Поклёпа, если тот ещё в засаде.

Не размышляя, что скажет завучу, если тот вновь перехватит её, Таня побежала к Залу и к лестнице атлантов. В глазах мелькали и расплывались пятна факелов. Сердце стучало и прыгало в тесной клетке рёбер. Она была уже в галерее между Башней Привидений и лестницей атлантов, когда неожиданно её больно ударила по ногам выпрыгнувшая неизвестно откуда ступенька.

Таня упала и тихонько заскулила, баюкая ушибленное колено и шепча ступеньке горячие укоризненные слова. Внезапно впереди, там, где главный коридор пересекался со второстепенным и где почти совсем не было факелов, замаячила чья-то тень. Не раздумывая, Таня быстро отползла и спряталась за той самой ступенькой, о которой только что критически отзывалась.

Девочка сама толком не смогла бы объяснить, что заставило её спрятаться. Если это был Спящий Красавец, то ведь именно он был ей нужен! С другой стороны, нельзя было исключить, что это окажется Поклёп. Самым правильным было вначале определиться, а уже потом начинать сольное пение.

Фигура, прислушиваясь, замерла на пересечении коридоров. В сумраке лицо её казалось смазанным и нечётким. На себе неизвестный тащил что-то громоздкое. Простояв некоторое время в размышлении, он вновь

взвалил груз на плечи и, пошатываясь от тяжести, скрылся в одном из ходов.

Таня выбралась из своего укрытия и неслышно побежала следом. Негромкий звук заставил её замереть. На магическом стульчике, привалившись головой к стене, спал в засаде Поклёп Поклёпыч.

— Плыви сюда! Ближе! Ещё ближе! У тебя такой прохладный хвост! — бормотал он во сне.

Пламя факела дрогнуло. По лицу завуча суетливо забегали тени. В тибидохском болоте закричала выпь. Поклёп вздрогнул и заскрипел зубами. Крик выпы загадочным образом вызвал у спящего приступ ревности.

— Нет, нет! Не хочу рыбьего жира! Убери сейчас же ложку! Я ненавижу тебя, не хочу любить! Я видел, как ты вчера подмигивала водяному, этому мокрому ничтожеству! Я осушу пруд, выдеру ему бороду, заброшу его на солнце! — застонал завуч.

«Бедняга! И зачем он полюбил русалку? Куда правильнее было бы влюбиться в Попугаеву. Ей просто невозможно не понравиться», — подумала Таня.

Последнее время Попугаева так часто совала свой нос в её дела, что «малютка Гроттер» нередко думала о ней с раздражением.

Когда она наконец прокралась мимо Поклёп Поклёпыча, Спящий Красавец со своим грузом — а кто ещё это мог быть, раз Поклёп сидел на стуле? — исчез неизвестно куда.

Не обнаружив Спящего Красавца в Зале Двух Стихий, Таня проискала его до рассвета. Так и не найдя его, она убито поплелась в берлогу к Тарараху, со стыдом размышляя, что ему скажет.

Перешагнув порог, она едва не превратилась в соляной столб.

Спящий Красавец лежал в хрустальном гробу и, закинув руки за голову, самозабвенно храпывал «Героическую симфонию». Девочке осталось только поправить крышку гроба, чтобы храп не разносился по всему Тибидохсу.

«Кого же я видела там, в коридоре? Он это был или не он? И если он, то где то, что он тащил?» — подумала Таня.

Внезапно она поняла, что ничего не скажет Тарараху. Питекантроп так верил, что она справится, так просил её, а она подвела. Нет, лучше, если Тарарах ничего не узнает. К тому же Готфрид Бульонский уже на месте — в целости и нецелованности. В обморок падать как будто не с чего.

Успокоившись, Таня присела у огня. Спать уже не хотелось. За окном у Башни перекликались сторожевые циклопы. Приближалось утро.

Глава 3

МНОГОЭТАЖКА НА БРОЙЛЕРНЫХ ОКОРОЧКАХ И ПОЛОСА ПРЕПЯТСТВИЙ

Ближе к полудню вся высшая школа волшебства собралась на главном драконбольном поле. Правда, для гонок на избушках его пришлось слегка переоборудовать. Магический защитный купол был снят, а на песчаной арене размечены дорожки.

Вокруг поля стояли циклопы, которых Поклёп нагнал следить за порядком. Они позёвывали и, опираясь на дубины, тревожно косились на Усыню, Горыню и Дубыню. Дубыня выглядел молодцом, хотя нос у него и сместился несколько на сторону, а вместо одного из передних зубов появился хорошо вентилируемый просвет.

На трибунах почти не было свободных мест, разве что на самом верху, откуда, кроме облаков, из-за которых то и дело выглядывали шаловливые купидончики, пробравшиеся на матч без билетов, всё равно ничего увидеть было нельзя. Между рядами витали прозрачные силуэты привидений.

Поручик Ржевский раскланивался со знакомыми, половина из которых пыталась запустить в него «Дрыгусом-брыгусом».

Безглазый Ужас, прикативший на гонки в Инвалидной Коляске, угощал всех желающих конфетками, на

которых были изображены череп и скрещённые кости. У Недолеченной Дамы на шее висела колонковая муфта, выглядевшая так, словно из неё нащипали уже три десятка кисточек, а челюсть была подвязана полотенцем.

— Зубы болят! — жаловалась она всем.

И горе тому, кто спрашивал «где?».

— ВОТ! — отвечала Дама, с явным удовольствием извлекая свою челюсть из муфты.

Сострадательный зритель невольно кривился, а Дама, заметив это, принималась колотить его прозрачным зонтиком и визжать:

— Нет, вы видели этого сухаря! Хам! И посочувствовать не хочет!

Таня и Ванька Валялкин сидели в первом ряду недалеко от судейской скамьи. Баб-Ягуна, который больше всех суетился с перетяжками, с ними не было. Сарданапал спохватился, что у гонок нет комментатора, и пересадил Ягуна на комментаторскую вышку, чем-то похожую на вышку волейбольного судьи. С неё Ягуну было видно куда как лучше, правда, приходилось тарыхтеть без умолку. Но с этим-то он справлялся.

Сидевшая рядом Гробыня, бесцеремонно занявшая место Ягуна и вертевшая головой по сторонам, толкнула Таню локтем:

— Гроттерша, смотри! Тридцать три богатыря! Вот бы кого охмурить, а?

— Тебе надо, ты и охмуряй! — буркнула Таня.

Она недоверчиво оглянулась на трибуну, где, чешуёй золотой горя и изучая афишки с расписанием забегов, восседали красавцы молодые, великаны удалые. Несмотря на то что ей часто приходилось о них слышать, видела она их впервые.

— А почему они одни? Где дядька Черномор? — спросила Таня.

Гробыня покрутила указательным пальцем у виска и молча показала на место главного судьи, которое занимал академик Черноморов.

Спохватившись, Таня прикусила язычок. Это ж надо было так сесть в лужу, да ещё перед кем!

— Дорогие зрители! С вами снова я, всеми любимый и многих раздражающий Баб-Ягун. Обычно вы можете любоваться мной на поле, когда я отважно захожу в штопор на ревушем пылесосе. Но это на драконбольных матчах. Сейчас же я, мудрый и отважный, как античный бог, нахожусь на комментаторской вышке! О! Вот я уже вижу в пятом ряду трогательно кислое, некрасивое лицо моего лучшего друга Демьяна Горьянова! — пунцовая ушами, начал Баб-Ягун.

— Чтоб ты треснул! Античный бог! — зеленея от злости, фыркнул Демьян Горьянов.

Защитная жилетка Баб-Ягуна затрещала, успешно отразив сглаз.

— Передо мной на стартовой полосе толпятся избушки. На каждой стараниями Поклёп Поклёпыча натянута полотняная полоска с её номером — от первого до тринадцатого. Разумеется, это очень мудрое, я бы даже сказал, прозорливое решение тибидохского завуча. Вдруг бы мы с вами перепутали чукотский чум с многоэтажкой или украинской хатой? — съехидничал Ягун.

Жилетка снова затрещала — громко и истерично, как зудильник. На этот раз ей пришлось справляться с куда более сильным сглазом. Ягге строго округлила глаза и погрозила внуку кулаком. Поклёп Поклёпыч недовольно потёр переносицу и отвернулся.

Баб-Ягун, как многие великие ораторы, порой забывавший, о чём он только что говорил, посмотрел на ладонь, радуясь, что подстраховался шпаргалкой.

— Избушки на Курьих Ножках — очень редкий мифологический вид, относящийся к роду зооморфных бесфундаментных строений. Новая избушка может вылупиться не чаще чем раз в сто лет. В лесной полосе России — а больше нигде они не обитают — их осталось так мало, что они давно занесены в Охранную книгу. Именно поэтому, привлекая внимание к этому уникальному виду, в Тибидохсе и решили проводить ежегодные смотры.

— Не занудствуй, Ягун! Я прямо обрыдалась от умиления! Ути-пути, бедненькие домики! Чтоб они тебе на язык наступили! — с места крикнула Гробыня Склепова.

Ягун испытал сильное желание запустить в неё боевой искрой.

— Я своей бабусе верю. Она говорит, что Избушка на Курьих Ножках не просто маленький деревянный дом с печью. Это ещё и друг. Настоящий друг на столетия. Когда у нас избушку угнали, Ягге едва не умерла от огорчения. Ясно тебе?

— Ясно. Кое-кто был ходячим пылесосом, а стал заядлым избятником. Не сегодня-завтра заведёт инкубатор и наплодит полный Буян пинающихся домиков! — вновь крикнула Гробыня.

Гуня Гломов и Демьян Горьянов противно заржали.

Баб-Ягун сообразил, что переругиваться на весь стадион не имеет смысла, и быстро сменил тему.

— Первые международные гонки на избушках состоят из трёх этапов. Начальный этап — ориентирование на местности, второй — джигитовка, третий — полоса препятствий. Победитель выявляется по сумме баллов по результатам всех этапов, — объявил он.

Шурасик так поспешно принялся строчить в блокнотике, что затупил карандашик. Остальные девять

тысяч девятьсот девяносто девять зрителей записывать не стали, а доверились памяти.

На поле, начальственно надувая щёки, вышел Поклёп Поклёпыч.

— Избушки, слушай мою команду! Равняйся! Смирна! Нале-напра-во! Кругом! — деловито скомандовал он.

Избушки отнеслись к его словам с полным пренебрежением. Ни одна не стронулась с места. Кругом повернулась одна только Многоэтажка на бройлерных окорочках.

— Умница! Хорошая девочка! — покровительственно уронил Поклёп и вдруг завизжал: — Эй! Что ты делаешь?

Он запоздало сообразил, что Многоэтажка повернулась потому, что ей вздумалось забросать его песком. А стоя задом, загребать песок было куда удобнее.

Трибуны захохотали. Сконфуженный Поклёп поспешил ретироваться. Русалка, которую он, по обыкновению, доставил на гонки в бочке, ударила хвостом и обдала Поклёпа водой. Завуч стал гораздо чище, зато сразу пропах рыбой.

— Прылестно! Просто прылестно! — скривившись, сказала брезгливая Зубодёриха. Она зажала нос платочком и поспешно перебралась на другую скамейку.

Русалка оскорблённо плеснула ей вслед, но промахнулась, и вся вода попала на Риту Шито-Крыто. Шито-Крыто была не в претензии. Она с трёх лет обожала маринованную сельдь, запах которой был близок к русалочьему.

— Лукерья-в-голове-перья! Номер первый! Прошу любить и не жаловаться, ежели кого по ошибке сглазят! — объявил Баб-Ягун.

Из избушки выскочила дряхлая, но очень резвая старушонка. Правая нога у неё была костяная, а из нижней

челюсти рос жёлтый зуб. Зуб был один-единственный, зато таких размеров, что его было видно даже с предпоследнего ряда.

Лукерья-в-голове-перья молодцевато свистнула, вселив лёгкую зависть даже в Соловья О. Разбойника.

«Теть Луш! Я ж просил! Пускай бы думали, что я сам научился!» — недовольно пробормотал Соловей Одихмантьевич.

— А ну-ка, избушка! Встань к лесу задом, ко мне передом! — скомандовала Лукерья-в-голове-перья.

Избушка немедленно заскрипела, содрогнулась от крыльца до ставен и от ставен до крыши и стала напряжённо отыскивать лес, ворочая во все стороны единственным окошком с геранью. После непродолжительных поисков лес был обнаружен. Правда, при этом выяснилось, что Лукерья-в-голове-перья и лес находятся в одной стороне, поэтому встать к Лукерье передом, а к лесу задом положительно невозможно.

Выходя из положения, избушка стала обегать хозяйку, чтобы оказаться между ней и лесом, и едва не затоптала младшего арбитра из бывших шаманов.

— Стоп! — закричал Сарданапал. — Не засчитано! Следующий!

— Ах так? Ну ничего! На джигитовке отыграюсь! — сказала Лукерья.

Стуча костяной ногой, она забралась в избушку и сердито хлопнула дверью.

Вслед за незадачливой Лукерьей выступили Глашка-простоквашка, Матрёна Большая, Матрёна Меньшая, Солонина Андреевна, Аза Нафталиновна и другие участницы. Ориентирование на местности далось избушкам с разным успехом. Лучше других с первым этапом справились чукотские чумы. Они находили не только лес, скалы и Тибидохс, но даже определяли по

солнцу стороны света и чётко показывали оленьими копытами, где экватор. Многоэтажка на бройлерных окорочках тоже прошла ориентирование вполне достойно. К сожалению, при этом пострадали ещё два шамана и один джинн, суетившиеся вокруг с рулетками.

Однако высший балл получила избушка Солонины Андреевны, сумевшая выполнить поразительно сложное задание, повернувшись чётко на семьдесят два градуса к названному башмаку Сарданапала — именно к тому, на котором был подклеен каблук. И это несмотря на то, что команду она получила на латыни!

— Ну что? Кто будет вручать призовую ленточку за первый этап? По правилам её полагается привязать к правой ноге победившей в этапе избушки! — бодро сказал Сарданапал.

— Может, арбитрам поручим? Избушка-то довольно лягачая. Как бы чего не вышло! — опасливо сказала Зубодёриха.

Пожизненно-посмертный глава Тибидохса покачал головой:

— Арбитров уже, почитай, всех затоптали. Придётся кому-то из нас! Я предлагаю кандидатуру профессора Клоппа! Кто «за»? Я «за»! — сказал он.

Сразу поднялся лес рук. Клоппа никто не любил. Воздержалась только Зубодёриха, не рискнувшая голосовать против своего непосредственного начальника.

Профессор Клопп пожелтел, как лимон.

— Я брать самоотвод! Меня затоптать не надоел! Кто писать правил — тот пускай и отдуваться за свой большой фантазий! — выкрикнул он.

— А что, вполне здоровое предложение! Не правда ли, коллеги? Я согласен! Кто составлял правила?.. Я спрашиваю: кто составлял эти идиотские правила?

Почему никто не сознаётся? Я же всё равно узнаю! — сердито повторил Сарданапал.

— Правила составляли вы, — шепнула ему Медузия.

— Да? В самом деле? Вот досада! — сказал Сарданапал, когда закончил бормотать про рассеянность и столетний недосып.

Двенадцать тысяч морщинок профессора Клоппа так и залучились ехидством. Возникла неловкая пауза. Из затруднительного положения главу Тибидохса выручила Ягге, давно лукаво посматривающая на поле.

— А ну-ка! Дайте-ка сюда ленточку! Посмотрим, не забыла ли я, как к избушкам подходят, — вызвалась старушка.

Чело академика прояснилось.

— Ну что ж! — радостно произнёс он. — Я думаю, мы можем пойти навстречу нашей заслуженной сотруднице. А, коллеги? Вы не против, Поклёп Поклёпыч?

Завуч Тибидохса был «за». Обеими руками. Он уже начинал опасаться, что под избушку пошлют его.

Когда Ягге появилась на поле, Солонина Андреевна засуетилась, пытаясь взять у неё ленточку.

— Позволь уж я сама! Она у меня ндравная! Чужих не подпускает, по-русски почти не понимает! — сказала она.

— Да уж прям! А ну-ка, избушка! Иди сюда, хохлатка! — негромко велела Ягге.

Избушка послушно подбежала к ней, постукивая черепицей. Солонина Андреевна поджала губы.

— Вишь ты, поняла по-нашему! А говорила, не понимает! А ну-ка, милая, дай ножку! — снова велела Ягге.

Избушка неуклюже подняла когтистую лапу и, балансируя на другой, протянула её Ягге. Старушка повязала

ленточку и, похлопав избушку по голенастой ноге, отошла в сторону, победно глянув на Солонину Андреевну.

— Молодец, бабуся! Просто не верится!.. — восхитился Баб-Ягун. — А там что такое? Академик Сарданапал встаёт и поднимает руку с кольцом. Одно из двух: либо он хочет прогнать искрами гарпий, которые уже достали болельщиков своими истошными криками, либо собирается объявить джигитовку. В ближайшие секунды это станет ясно. Согласно правилам джигитовка проходит тремя группами. Первая группа — избушки и хаты. Вторая группа — чумы. Третья группа — Многоэтажка на бройлерных окорочках. Ой, мамочка моя бабуся, я едва не ослеп! Зачем Сарданапал выпускает такие яркие искры? Джигитовка начинается!

Избушки рванули с места, мгновенно взметнув в воздух тучу песка. Трибуны заволокло пылью. Больше всех досталось тем, кто сидел в первых рядах, — они оказались в центре пыльного смерча.

— Вот спасибо Ягуну! Надо же было подложить такую свинью! Три дня провозиться с перетяжками, чтобы глотать песок! — сказал Ванька, тщетно пытаясь различить хотя бы свои ноги.

— Шурасик! Сделай что-нибудь! — поворачиваясь, крикнула Таня.

На зубах у неё скрипел песок. А в памяти, как на зло, не всплывало ничего, кроме совсем уж ненужного сейчас «*Торпыгус угорелус*».

— Бесполезно! По новым правилам вся серьёзная магия на поле блокируется, — уныло отвечал голос из соседнего пыльного облака.

— А как же сглазы?

— Сглазы и запуки — это не магия. Это мелкое жульничество ничтожных завистников! — категорично заявил Шурасик.

— Ишь ты, как негодует! А сам позавчера Верку Попугаеву сглазил! Бедняга полчаса гонялась за Дусей Пупсиковой, возомнив себя бенгальским тигром. А что она орала! «Я тигр-пупсоед!» Надо же такое выдумать! — хмыкнула Гробыня.

— Пупсикова сама напросилась. Никто её не просил накладывать на мою чернильницу плевательный запуск! Она мне всю тетрадь по нежитеведению испортила! — пожаловался Шурасик.

Лишь когда избушки отбежали на приличное расстояние, пыль наконец улеглась. Таня увидела, что избушки несутся с равномерным прискоком, похожим на танцевальный. На поворотах они притормаживали и хлопали дверями. Внезапно ставни крайней избушки распахнулись, и на подоконник забралась ревматически согнутая бабулька.

— Эхма! Ёлки-палки, лес густой, ехал парень холостой! — бойко крикнула она и, помахав зрителям, отважно полезла на крышу.

Зрители приветствовали её дружными рукоплесканиями. Прискакивающая Избушка жёстко вошла в поворот, накренившись на левую сторону.

— Опасный момент! Лукерья-в-голове-перья едва не слетает с крыши, однако ей чудом удаётся удержаться. Уверен, она использовала свой уникальный зуб. Избушка вновь выходит на прямой отрезок, и Лукерья добирается-таки до трубы! Bravo! Первая из всех участниц! Недаром она так ждала джигитовки! Напоминаю, что по правилам состязания Лукерье предстоит ещё протиснуться в избушку через трубу, растопить печь и, первой пожарив котлеты, угостить зрителей... Ха-ха! Неужели поверили про котлеты? Это я дразню моего приятеля Ваньку Валялкина, большого любителя котлет! А вот печь действительно растопить придётся!

Участница, сделавшая это первой, получит ленточку победительницы этапа! — Опасаясь пропустить что-то интересное, Баб-Ягун то и дело вскакивал с ногами на сиденье вышки и размахивал руками.

Таня с нетерпением дожидалась, пока избушки вновь окажутся на ближней к ней части стадиона, чтобы увидеть хоть что-то. Но тут вперёд понеслись чумы на оленьих копытах, выступавшие отдельной группой, и всё вновь скрылось в пыли.

«Как-то не получается у меня быть зрителем. Самой участвовать совсем другое дело!» — подумала Таня, вынужденная дышать через платок.

— Мелкие недоработки организаторов, конечно, не могут испортить удовольствия от зрелища! — надрывался с вышки Баб-Ягун, которому отлично всё было видно. — Посмотрите, как ловко джигитует Матрёна Большая! Правда, я предвижу, что спортсменке такой комплекции нелегко будет протиснуться в трубу!.. Солонина Андреевна ловко прыгает по черепице, цепляясь за выступы зонтиком. Недурно! Глашка-простоквашка, номер третий, применяет не менее изобретательный ход! Она забрасывает на крышу кошку, обвязанную верёвкой. Перепуганная кошка забирается в трубу, и Глашке остаётся только закрепить верёвку. Теперь она точно не сорвётся...

Шурасик за спиной у Тани печально чихнул.

— Я даже блокнотика не вижу! — грустно сказал он.

— А ты вслепую пиши! — посоветовал ему Ванька.

— Я и пишу вслепую. Только бумага какая-то странная и строчка никак не кончается, — сказал Шурасик.

— Разуй глаза! Ты на моей спине пишешь! А я-то думаю, что такое по мне ползает?! — вдруг завопила Гробыня.

Шурасик затрясся и уронил карандашик.

Засидевшийся Баб-Ягун подпрыгнул на вышке.

— Ох, мамочка моя бабуся! Поклёп Поклёпыч зелёным флажком даёт старт Многоэтажке на бройлерных окорочках! Я сейчас оглохну! Какой кошмарный грохот! Стадион сотрясается. Зрители, как спелые яблоки, осыпаются со скамеек. Интересно, какие правила Сарданапал придумал для этой избушки? Неужели надо будет карабкаться на крышу? Сверзишься — точно костей не соберёшь... О, я вижу, что для Многоэтажки пошли на незначительное изменение правил. Населяющие её бабы-ёжки — а их внутри около двух десятков — бодро карабкаются по пожарной лестнице, помогая друг другу...

Многоэтажка, сотрясая стадион, переместилась на другой конец поля. Пыль улеглась. Снова стало можно дышать без платков.

— Склепова, а Склепова! — жалобно попросил Шурасик.

— Чего тебе? — огрызнулась Гробыня.

— Не вертись! Дай мне списать с твоей спины, что я раньше написал.

Гробыня молча вырвала у него из рук блокнот и швырнула его на поле.

— А чукотские чумы?! — умиленно воскликнул Баб-Ягун. — Никогда не предполагал, что можно так стремительно нестись на оленьих копытах! Вот только правила джигитовки на чумах сильно отличаются от избушечных. Кирпичной трубы-то у них нет! Хозяйкам чумов предстоит выбраться наружу и, обогнув чум, вновь оказаться у входа. Разумеется, чум при этом должен нестись вскачь!.. Лукерья-в-голове-перья уже довольно давно скрылась в трубе! Мне кажется, я вижу дымок! Да, так и есть — порой наружу даже вырываются искры. Ну и дела! Чем, интересно, она топит? Не